

## ОПЫТ 1990-х гг. И УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМ МНОГООБРАЗИЕМ

---

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

---

**Аннотация.** В статье обсуждаются уроки, которые государство и общество могли вынести из институциональных противоречий и насильственных конфликтов, пережитых Россией в 1990-е гг. Анализируются процессы этнической мобилизации в национальных республиках и пути выхода из конфликтных ситуаций. На конкретных материалах показано, что важнейшим уроком стало умение находить компромиссные, диалоговые способы снятия противоречий в сфере языка, экологии, запросов на участие в использовании местных природных ресурсов, повышении самостоятельности в экономике, развитии культуры.

Большинство противоречий последнего десятилетия XX в. ограничивалось институциональной сферой, нарушением Конституции и федеральных законов. При этом этнический национализм элит в российских республиках был разным. Анализируя дискурс и законодательные практики Башкортостана, Северной Осетии – Алании, Татарстана, Саха (Якутии) и Тувы, автор показывает, что о разделенном суверенитете (не сецессии) речь тогда шла лишь в Татарстане, причем в нем, как в Якутии и Башкирии, преобладал экономический и культурный национализм, в Северной Осетии – Алании – защитный, в Туве – культурный. Компромиссные решения, принятые в 1990-е гг., оказались временными. По мере усиления легитимной власти в Центре они переставали действовать. Признание законной монополии силы со стороны государства является условием недопущения эскалации насильственных конфликтов. Защита общества основывается на верховенстве закона, но за соблюдением закона необходим контроль и со стороны государства, и со стороны общества.

В заключительной части статьи обсуждается опыт управления культурным многообразием при регулировании межэтнических отношений в России 2010-х гг. Опираясь на результаты общероссийских и республиканских исследований, автор показывает, что этническая идентичность россиян остается очень устойчивой, причем у большинства населения она не конфликтует с общероссийской идентичностью, а совмещается с ней. Это позволяет сделать вывод: представление о народе как согражданстве, направленное на консолидацию социальных, пространственных и этнокультурных сообществ, реализующих свои интересы в экономике, политике и культуре, способствует обеспечению солидарности в стране.

**Ключевые слова:** этническая мобилизация • институциональные и насильственные конфликты • этнический национализм • управление культурным многообразием • гражданский национализм

DOI: 10.31857/S013216250015254-2

**Введение.** 1990-е гг. в полиэтнической России, характеризующиеся насильственными конфликтами, распространением новых представлений о федерализме и напряжениями в межэтнических отношениях в национальных республиках, по-разному оцениваются исследователями и общественными деятелями. Согласно Ж.Т. Тощенко, то был период утверждения этнократии, и в его определении кроется боль за распавшийся Союз,

---

Это последняя статья Л.М. Дробичевой в нашем журнале. Редакция оставила авторский текст без изменений.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00241.

выстроенный на принципах интернационализма<sup>1</sup>, и ушедшее в прошлое управление на основе социалистического централизма. Другие называли это время этническим возрождением, прежде всего в республиках, где люди стали без стеснения говорить на родном языке в общественных местах – на улице, в трамваях и магазинах. Историки и литераторы начали вспоминать о репрессированных или уехавших за границу культурных деятелях, на собраниях и митингах зазвучали национальные народные песни. Подобные мобилизующие моменты переживали не только башкиры, татары, чуваша, якуты, карелы, но и русские, радовавшиеся, например, что Шаляпин вновь открыто признавался их уважаемым певцом, а не эмигрантом, о котором говорили чаще дома, но дипломную работу в МГУ о котором написать было нельзя. Русская культура, получившая мировую известность, снова стала достоянием российских граждан.

С позиций междисциплинарных научных подходов и этносоциологической точки зрения 1990-е гг. можно назвать эпохой этнической мобилизации и этнического национализма. Анализируя типы этнической активности в республиках (в первую очередь в российских, но и опыт бывших союзных тоже учитывается), мы попытаемся сформулировать вынесенные из пережитого опыта уроки, значимые для управления культурным многообразием в разные периоды жизни страны. В своем исследовании мы учитывали теоретическое осмысление событий 1990-х гг. учеными, принимавшими тогда реальное участие в работе властных институтов и регулировании конфликтных ситуаций [Тишков, 1997; Паин, 2004], видение происходивших трансформаций представителями власти [Абдулатипов, Михайлов, 2016] и, конечно, работы отечественных этносоциологов, конфликтологов и этнопсихологов – Ю.В. Арутюняна, Ж.Т. Тощенко, А.Г. Здравомыслова, М.Н. Губогло, Г.У. Солдатовой, И.М. Лебедевой и др., а также наших коллег из республик.

Эмпирической основой анализа послужили результаты этносоциологических исследований, организованных Институтом этнологии и антропологии РАН в Татарстане, Башкортостане, Туве, Саха (Якутии), Северной Осетии – Алании в 1994, 1996–1997 и 1998–1999 гг.<sup>2</sup> Помимо массовых опросов, было проведено 230 глубинных интервью с лидерами и специалистами<sup>3</sup>, имена которых определялись в ходе опросов населения посредством ответа на вопрос «Кто выражает интересы вашего народа?» Кроме того, изучались также выступления политиков и идеологов. Сравнение результатов исследований за разные годы позволяют проследить динамику отношения политических акторов и жителей регионов к суверенитету республик, идеям сепаратизма, национализма, самоопределения и федерализма.

Естественно, в рамках статьи нет возможности осветить протекание всех упомянутых выше сложных процессов. По этой причине мы решили сфокусироваться на следующих трех проблемах: 1) что может составить основу этнической мобилизации; 2) как трансформировался национализм 1990-х гг. в ходе укрепления федеративного государства; 3) что позволяет эффективно сдерживать эскалацию конфликтов и противоречий.

**Основой этнической мобилизации** и в союзных республиках, и в российских автономиях стало в 1990-х гг. требование, провозглашенное национальными (этническими) активистами, – *сохранить родной язык*. Язык – наиболее чувствительный этнический интегратор, ощущаемый людьми как ценность. Более того, языковые требования тогда имели и социальную основу, отражали социальные и политические интересы местных национальных элит. Знание национального (этнического) языка становилось преимуществом при занятии властных постов. Вводилось обязательное условие для главы республики, например, владеть национальным языком, что, следовательно, лишало представителей других национальностей, не знающих языка республики, в том числе русских, доступа к

<sup>1</sup> Интернационализм тогда понимался как приоритет пролетарских, затем общественных интересов и равноправные дружественные отношения между людьми разных национальностей.

<sup>2</sup> В каждой из указанных республик выборка составляла 1000 чел. (случайная погрешность колебалась в пределах 4–5%). В число опрошенных входили как русские, так и национальности, дававшие названия республикам. Рук. Л.М. Дробижева.

<sup>3</sup> 110 из них опубликованы в: [Дробижева, 1996].

высшим эшелонам власти в регионе. Нередко знать национальный язык должны были не только сотрудники администрации, но и работники сферы обслуживания.

Отвечая на вопрос «Что вас роднит с людьми вашей национальности?», 82% городских и 85% сельских осетин, 77% городских и 83% сельских татар, 72% городских и 83% сельских саха, 78% тувинцев в городах и 84% в селах утверждали – язык. Около 70% русских в национальных республиках хотели тогда, чтобы их дети знали язык так называемых титульных наций. Республиканские газеты в середине 1990-х гг. уделяли языковой тематике самое пристальное внимание. Идеологический прессинг ощущался довольно явно: «...татарский язык серьезно болен»<sup>4</sup>, «если он умрет, то мы погибнем как нация» [Хакимов, 1993]. В то же время, отвечая на вопрос «Какие условия сейчас необходимы для возрождения вашего народа?», поддержку языка называли не многим более 40% [Дробижева и др., 1996: 265–266], при этом 80% татар, более 90% осетин, до 90% якутов и 79% тувинцев хотели, чтобы их дети знали русский язык.

Языковые требования – самые чувствительные, и регулирование интересов в данной сфере – один из барометров умения власти находить диалоговые способы решения проблем. В девяностых таким решением стало принятие закона о языке народа, давшего название республике, и признание его вторым государственным языком в соответствующем регионе. При этом руководству республики предстояло убедить население: интересы «титульной нации» реализовываются, но не в ущерб другим народам. Например, в обращениях президента Татарстана М.Ш. Шаймиева звучали слова «татары и русские», «русские и татары», что указывает на учет интересов обоих контактирующих народов.

*Находить компромиссные, диалоговые решения в сфере языка, экологии, использования природных ресурсов – важный урок 1990-х.* К сожалению, в истории современной России имеются также случаи, когда противоречия решались насильственным путем – осетино-ингушский вооруженный конфликт из-за спорных территорий и чеченский конфликт. Последний был во многом обусловлен гедонистическими стремлениями круга лиц, претендующих на власть, которых поддерживала часть элиты, зависящей в своей деятельности от власти, и значительная часть простых чеченцев, солидаризировавшихся с элитой вследствие ущемленности в прошлом. О роли элит в эскалации конфликтов писали в свое время Т.Р. Гарр [Gurr, 1993] и Ч. Тилли [Tilly et al., 1975], у нас эту идею во властный дискурс внес В.А. Тишков [1997].

Одним из основных уроков, вынесенных Россией из опыта насильственных конфликтов, стало признание того, что исключительно за государством может признаваться законная монополия силы. Защита общества основывается на верховенстве закона, однако за его соблюдением необходим контроль не только со стороны государства, но и со стороны общества – в мировой практике это называется демократическим участием [Зенгхаас, 2007: 40]. Таким образом, *законная монополия силы, верховенство закона и соблюдение Конституции составляют основу регулирования насильственных конфликтов.*

**Уроки институциональных конфликтов.** На постсоветском пространстве произошло более сотни невооруженных конфликтов. Большинство из них носили институциональный, конституционный характер, т.е. противоречия в них сводились к законодательным нормам, отражающим идеологии и интересы противоборствующих сторон. В такого рода противостояниях этнокультурные различия не сами по себе очерчивают межгрупповые границы (в понимании Ф. Барта), за ними стоят экономические, политические и некие ситуационные обстоятельства. Идеологии и действия конфронтировавших с Центром республиканских элит были связаны с четко выраженным в 1990-е гг. этнонационализмом.

В советской идеологии, литературе и повседневной практике понятие «национализм» имело явно негативный смысл. Его трактовали как отрицание равенства людей разных национальностей, приоритет какой-то одной нации или расы над остальными. Напротив, в пространстве европейских языков данный феномен был лишен подобной оценочной

<sup>4</sup>См.: Татарские края. 1995. Октябрь. № 38.

нагрузки, его обсуждали, анализировали и критически осмысливали многие авторитетные исследователи. Несовпадение деклараций элит и реальной практики разоблачал Э. Кедури [Kedourie, 1971], осуждал Э. Хобсбаум [1998: 305], порой высмеивал Э. Геллнер [1991: 319]. Однако чужой опыт без изучения собственного не позволял с ходу урегулировать возникшие противоречия и усвоить урок.

В 1960-е гг. Г. Кон предложил различать два вида национализма: *гражданский*, или *западный*, национализм, основанный на свободном самоопределении личности, и *восточный*, основанный на представлениях о приоритете этнических интересов, опирающихся на историю и культуру [Kohn, 1967: 329–333]. Идеи и требования, выдвигавшиеся идеологами в российских республиках, были ближе именно ко второму.

Национализм, согласно большинству специалистов, предполагает наличие общности – нации, имеющей свои особые качества, ее интересы и ценности приоритетны перед другими интересами и ценностями, и главное – нация должна стремиться к достижению политического суверенитета, хотя бы некоторого [Breuilly, 1983]. Национализм, наблюдавшийся в российских республиках, вполне соответствует данному описанию, однако он не был одинаковым на всем российском пространстве. Анализ требований региональных элит и законодательная практика в республиках дают основание утверждать, что *национализм в России был разным*. В этом и заключается один из основных уроков, усвоенных учеными и властью из пережитого опыта невооруженных институциональных конфликтов.

Стремление к полному отделению имело место только в Чеченской Республике, элита которой ратовала за суверенитет. В Татарстане, хотя он и именовался в республиканской Конституции суверенным демократическим государством, выражающим «волю и интересы всего многонационального народа республики», идеологи при власти осознали опасность националистических идей исключительности и нетерпимости, а потому специально подчеркивали: «защита культуры этнических общностей, обучение на родном языке» и «получение самоуправления вплоть до суверенитета не противоречит принципу уважения прав человека» [Исхаков, 1995: 53], т.е. высказывались в духе гражданского национализма. Данный принцип поддерживался и представителями русскоязычной части населения региона. В 1990-е гг. в Татарстане открыто действовали не только Всетатарский общественный центр (ВТОЦ), Комитет по защите и реализации суверенитета Татарстана «Суверенитет» и Татарская партия национальной независимости «Иттифак», но также и Союз офицеров Татарстана, пророссийская организация открытой оппозиции суверенитету Татарстана «Народовластие», политический блок «Гражданский союз», пророссийская организация реформистской направленности «Согласие», коммунистическая организация «Народный фронт Татарстана».

В Северной Осетии насчитывалось более 20 партий, однако они являлись формально созданными и неэффективными [Гостиева, Дзadzиев, 1995: 219, 229]. В Туве было зарегистрировано шесть партий, но состояли в них исключительно тувинцы. В Саха (Якутии) идею суверенитета активно поддерживали общественные объединения «Саха Кэскил» и «Саха Окум». В то же время там действовали реформаторская демократическая партия Якутии, весьма многочисленная коммунистическая партия Саха. Была в республике и русская общественная организация.

В Татарстане на официальном уровне проводилась идея разделенного суверенитета, зафиксированная в доктринальных документах. «Для нас, – пояснял М.Ш. Шаймиев, – суверенитет означает возможность самим добровольно определять ту долю полномочий, которую мы оставляем себе, и ту долю полномочий, которую делегируем России»<sup>5</sup>. Помимо заявки на разделенный суверенитет, власти республики стремились сами регулировать отношения собственности, формы хозяйствования, нормативы социальной, налоговой, ценовой и инвестиционной политики, при этом, однако, большинство предприятий они оставили в государственной собственности. К подобному типу федерализма Центр,

<sup>5</sup> Известия Татарстана. 1995. 15 февраля. С. 1.

естественно, был не готов, да и сам президент Татарстана отдавал себе отчет в том, что «мы забежали далеко вперед, и когда в Центре власть окрепнет, мы должны будем определить наши отношения в соответствии с федеральными законами»<sup>6</sup>.

Президент Саха (Якутии) М. Николаев понимал национализм в его советском значении, и в интервью нам он говорил, что это слово завезли приезжающие в республику иностранцы и журналисты. Тем не менее на праздновании пятилетия провозглашения суверенитета республики он заявил: «Мы выдвинули экономическую самостоятельность республики на первый план»<sup>7</sup>. Идеологи якутского национализма высказывались преимущественно за право «коренных народов на природные ресурсы, право на землю, на самоуправление с учетом обычного права»<sup>8</sup>. В несколько меньшей степени они фокусировались на обсуждении этнокультурных проблем языка и «возрождения традиций».

В Северной Осетии – Алании суть суверенитета сводилась главным образом к защите территории, что было обусловлено столкновением с Ингушетией и Южноосетинским конфликтом. Интервью и с президентом республики А.Х. Галазовым, и с этническими активистами буквально пронизаны этой идеей.

Выходом из конфликтных отношений с Центром в середине 1990-х гг. стали договоры, заключавшиеся между правительствами Российской Федерации и республик. Поскольку ситуации и национализмы в республиках имели свои особенности, каждый такой договор отличался своеобразием. Либералы критиковали заключение договоров с республиками, усматривая в этом установление патрон-клиентских отношений (Н. Петров, А. Мельвиль). Тем не менее в тех условиях договоры сыграли положительную роль<sup>9</sup>, став способом снятия конфликтных отношений: «Правовое развитие – не роскошь, а предпосылка мирного разрешения конфликтов» [Зенгхаас, 2007]. Окончательную точку в урегулирование конституционных конфликтов поставило решение Конституционного суда РФ 2000 г., отменившее суверенитет республик. Это оказалось возможным, когда Центр стал сильным.

Провозглашение суверенитета не означало сецессии территории. «Куда же мы выйдем, – говорили нам тогда в интервью представители администрации Татарстана. – Дело не только в геоположении республики». И в Центре, и на местах понимали: в 24 часа Центробанк может перекрыть поступление финансов, без которых функционирование экономической и социальной сфер региона невозможно. Да и на уровне федерации в целом мобилизация вокруг этого требования не обеспечивала достаточный уровень политического капитала. Уже с середины 1990-х гг. политические партии перестали использовать его для мобилизации, понимая, что нерусское население республик составляет менее 1/5 всего электората, а к концу десятилетия в них начали приобретать популярность ценности объединения на основе принципов согражданства и общей заинтересованности в стабилизации ситуации. Не случайно «Наш дом Россия» лидировал в Татарстане, Туве и Северной Осетии. И в то же время идеи суверенитета в виде требований большего участия в распоряжении природными ресурсами и принятии экономических решений поддерживали тогда более 60% населения республик (57% – в Северной Осетии, 64% – в Татарстане, 68% – в Саха (Якутии) и Туве), в том числе более 40% русских.

Властная элита республик, именуемая в Центре этнократией, в 1990-х гг. имела возможность использовать для мобилизации не только этнокультурные ценности – язык и традиции, но также экологические интересы и идеи демократии, которая трактовалась тогда как уважение к правам меньшинства. Практикой урегулирования конфликтных ситуаций стало предоставление возможности проявить этническую идентичность на публичной арене при сохранении равновесия между интересами различных общественных сил, что обеспечивало компромисс, социально-культурную лояльность и культурные

<sup>6</sup> Запись выступления М.Ш. Шаймиева на конференции по федерализму в 1995 г. в Академии наук.

<sup>7</sup> Обращение М.Н. Николаева // Республика Саха. 1995. 14 февраля.

<sup>8</sup> Винокурова У. День коренных народов // Республика Саха. 1995. 9 августа.

<sup>9</sup> Опросы 1994 г. в Татарстане показали, например, что 60% татар и 70% русских поддерживали подписание такого договора [Дробижева и др., 1996: 78].

укоренившиеся связи. Конституционные противоречия возникали и требовали решения не только на уровне Центр – субъекты федерации, но и на уровне межэтнических отношений внутри республик. Признание еще чьих-то интересов, кроме собственных, становилось сложной проблемой для региональных элит. Этнократия, о которой писал Ж.Т. Тощенко, была реальностью, и правительствам в субъектах федерации, если они желали оставаться легитимными, приходилось проявлять способность к диалогу<sup>10</sup>. Вместе с тем, как показывали результаты опросов, равенство возможностей в республиках не всегда соблюдалось. Не только русские, но и представители национальностей, давших название республикам, признавали, что этническая принадлежность человека имела значение при доступе к власти. В 1999 г. 26% русских и 18% татар Башкортостана считали, что у башкир больше возможностей получить хорошо оплачиваемую работу в республике, а 44–49% татар и русских – что у башкир больше возможностей занять высокий пост в органах власти. Среди башкир с этим соглашались лишь 13–29%. Примечательно, что и в 2013 г. мнения в тренде оставались прежними и изменились к лучшему не более чем на 10% по каждому показателю. Какой урок из этого можно извлечь? Опыт 1990-х гг. подсказывает: *и на федеральном уровне, и на уровне субъектов федерации государство обязано не допускать социальной дискриминации, в том числе по этническому признаку, и стремиться обеспечивать равенство возможностей в трудовой, социальной и политической сферах.*

В 1990-е гг. элиты играли преимущественную роль в формировании массовых настроений. Идеи политической, научной, художественной элит транслировались СМИ и работниками сферы образования, а в традиционных обществах также старейшинами и «авторитетными людьми». В массовых опросах мы фиксировали распространение устойчивого мнения о напряжениях, активно обсуждавшихся средствами информации. В то же время участники глубинных интервью говорили об информационной войне.

Если последствия ненасильственных конфликтов сводились к фрустрации, ксенофобии и миграции, то насильственные сопровождались жертвами и потоками беженцев. Число беженцев и переселенцев из Северной Осетии – Алании, например, оценивалось примерно в 100 тыс. человек, 600 человек погибло. Из Чечни только с конца 1994 г. по апрель 1995 г. уехало 302,8 тыс. человек<sup>11</sup>.

Факторы и причины насильственных и ненасильственных конфликтов обсуждались и в 1990-х, и в 2000-х гг., и у нас в стране, и за рубежом. Существуют разные подходы к их объяснению, но главное, что необходимо вынести из этого печального опыта, – *этнические вызовы и радикальные формы их реализации имели место быть при слабой власти Центра*. На каком-то историческом отрезке времени происходят изменения в потенциале этнических групп (структурно-функциональная модель Т. Парсонса), элиты которых претендуют на престижные места, прежде всего во власти. Так было не только у нас в 1990-х. Аналогичные процессы наблюдались в 1970-х гг. в Бельгии и Канаде. После озвучивания претензий на изменения текущая ситуация может сохраняться довольно долго, пока центральная власть сильна. Но если она теряет легитимность, как было в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг., появляется шанс на реализацию претензий, а дальше эскалация или купирование конфликтных ситуаций в решающей мере зависит от состояния центральной власти. Собственно, это мы и наблюдали в России. За легитимацией центральной власти в конце 1990-х – начале 2000-х гг. последовало законодательное устранение отклонений в Конституциях субъектов федерации, противоречащих федеральным законам.

Совершенствовать управление полиэтническим обществом – и в этом заключалась особенность новой России 2000-х гг. – приходилось, учитывая, что российские народы имели опыт советского периода, когда, пусть и декларативно, у них была своя государственность, и опыт 1990-х, когда попытки демократической элиты Центра построить федерализм без этничности (устранить республики) встретили сопротивление в регионах,

<sup>10</sup> Правительство Татарстана, например, еще в 1990-х сняло 15%-ную надбавку за знание языка и сократило число факультетов в вузах, где преподавание велось на татарском языке.

<sup>11</sup> Желудков А. Бедствия России – беженцы. Бедствия беженцев – нищета // Известия. 1995. 19 апреля.

заставившее искать компромиссные решения. Кроме того, существовали различия в понимании демократии. Среди политиков и части ученых сохранялось представление о демократическом федерализме как неэтническом федерализме гражданского равноправия. В отличие от них республиканские идеологи связывали демократию с возможностью учета этнокультурной сложности в конституционно-правовом пространстве страны.

**Управление культурным многообразием.** В отечественной литературе политика государства в сфере межэтнических отношений называется нациестроительством. Такая политика проводится во всех странах, которые должны совмещать разнообразие языков, религий, этничностей, рас с универсальностью соблюдения общих законов и общей гражданской идентичностью. В настоящей статье вместо термина «нациестроительство» будет использоваться словосочетание «управление культурным многообразием», поскольку оно, на наш взгляд, точнее описывает российскую политику, уходящую от мультикультурализма, но сохраняющую признание культурного разнообразия и языков народов при гарантиях гражданам свободы культурного выбора (каждый вправе сам определять свою этническую принадлежность) и одновременно направляющую усилия государства на межкультурное взаимодействие, развитие диалога и доверия между народами и государством. К соблюдению ряда норм России обязывает также ратификация ею религиозной конвенции о защите национальных меньшинств в 1998 г.

Управление культурным многообразием на государственном уровне возможно, если, вопреки концепциям неолиберализма и постмодерна, принять нацию-государство в качестве сохраняющейся нормы современных государств. Не вступая в дискуссию о негативных последствиях этатизма для формирования политической нации (превалирование неформальных правил, низкое межличностное и институциональное доверие), мы полагаем, что государство и формирование единой политической нации остается в современных условиях необходимой формой общественной коалиции.

Основополагающим документом при управлении культурным многообразием является Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, где впервые в доктринальном пространстве управления появилось понятие «российская нация». В современном мире существуют два понимания нации: гражданская политическая нация и этническая этнокультурная нация. История знает примеры трансформации одной в другую, элементы той и другой могут присутствовать в каждой из них, тем не менее существуют и те, и другие. Во многих современных многокультурных государствах есть свои внутренние нации, что объясняет существование понятия «нация наций» [Тишков, 2008].

Управление культурным многообразием направлено на укрепление общероссийской нации как интегрирующей общество, стимулирующей межкультурные взаимодействия и развитие гражданской солидарности. Для этого управляющий аппарат обеспечивает включение указанной тематики в образовательный процесс, пространство СМИ и Интернета и содействует практикам общественной саморегуляции (например, стихийно рождающимся формам взаимопомощи, особенно актуальными в условиях пандемии). Успешность укрепления национальной (общероссийской) идентичности в поликультурной стране во многом зависит от учета растущей этнической идентичности как русских, так и других народов, ее направленности в конструктивное, а не дезинтегрирующее русло. Опыт нашей страны показывает: на конкретных исторических этапах и в определенных условиях у разных народов этническая идентичность могла вызывать и позитивные солидаризирующие, и разрушительные последствия.

Управление этнокультурным развитием в России предполагает учет всего разнообразия нашего сложного государства, где есть и национальные автономии, и коренные малочисленные народы, и такие народы, как цыгане и айсоры, и дисперсно расселенные люди разных национальностей, и диаспорные группы, и, наконец, привлекающие особое внимание ведомств и экспертов мигранты, внешние и внутренние. Люди каждой идентичности различаются по уровню развития их гражданской культуры и сохранности традиционных отношений, соответственно, и интеграционные процессы у них протекают с разной скоростью и обладают своеобразием.

В рамках статьи сложно подробно рассмотреть весь комплекс вопросов, касающихся этничности в связи с социальным, экономическим, политическим, историко-культурным контекстами в регионах. Поэтому остановимся на тех из них, которые имеют непосредственное отношение к сохранению единства страны. Обсудим их на примере республик, выполняющих роль барометра состояния межэтнических отношений в стране, – Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутия).

Татарстан – регион с высокой этнической солидарностью: 68% татар и 54% русских считают, что «человеку важно чувствовать себя частью своей национальности»<sup>12</sup>, 84% татар и 78% русских ощущают связь с людьми своей национальности. Однако при такой высокой значимости этничности в республике поддерживаются достаточно благоприятные межэтнические отношения: 77% татарстанцев посчитали их «благоприятными и спокойными». С недоверием и неприязнью из-за этнической принадлежности сталкивались за последний год только 12%. Данное значение оказалось одинаковым и у русских, и у татар и совпало с общероссийским показателем.

Поддержание благоприятных межэтнических отношений – результат высокой заинтересованности населения в сохранении спокойствия и грамотной политики органов управления в непростых условиях. Со времен 1990-х гг. в республике продолжает действовать Всероссийский Татарский общественный центр, борющийся за сохранение татарского языка<sup>13</sup>. Кроме него, в Татарстане функционируют официально поддерживаемая организация татар – Всемирный конгресс татар, «Русское национально-культурное движение Республики Татарстан», Ассамблея народов Татарстана, куда входят организации чувашей и других национальностей, Казанский правозащитный центр и иные общественные объединения, в том числе религиозные. Естественно, принципиальное значение имеют позиция руководства республики и его отношения с федеральным центром. Во главе Татарстана стоит авторитетный среди и татар, и русских лидер. При сильной власти межэтнические противоречия сдерживаются и в известной мере нивелируются другими событиями общероссийского и экономического плана. «Сегодня Татарстан – передовой и экономически успешный регион, который последовательно поддерживает курс на строительство сильной России», – заявил во время празднования 100-летнего юбилея республики в 2020 г. Р.Н. Минниханов, а в сохранении межнационального согласия он отметил поддержку федерального центра «и прежде всего нашего национального лидера Владимира Путина»<sup>14</sup>. Вместе с тем слова главы республики не означают, что управления межнациональными отношениями в регионе не требуется. В Татарстане очень остро воспринимается проблема сохранения родного языка<sup>15</sup>, причем не только активистами, но и 59% татар, при этом 49% татар считают родным и русский язык.

Сложность управления межэтническими отношениями в соседнем Башкортостане заключается в том, что это республика с самым высоким уровнем межэтнических контактов, где народ, давший название республике, не составляет большинства. При высоком уровне этнической идентичности (79% башкортостанцев уверенно идентифицируют себя по этничности, особенно башкиры и татары) в республике удерживаются достаточно

<sup>12</sup> Здесь и далее приводятся данные опросов 2020 г., проведенных Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с РОО «Центр по изучению дискриминации, экстремизма и ксенофобий Республики Татарстан».

<sup>13</sup> Правда, на последнем съезде писателей Татарстана эту организацию назвали «маргинальной структурой, где ностальгируют пожилые активисты, ...но чтоб он стал интеллектуальным центром, надеяться не приходится». См.: «Оставшийся с советского периода колхоз»: есть ли шанс на перезагрузку союза писателей РТ? // БИЗНЕС онлайн. 2021. 28 февраля. URL: <https://business-gazeta.ru.turbopages.org/business-gazeta.ru/s/article/500731> (дата обращения: 03.04.2021).

<sup>14</sup> Рустам Минниханов: Предмет нашей гордости и уверенности в будущем // Республика Татарстан. 2020. 25 мая. Вып. № 74(28843). URL: <http://rt-online.ru/predmet-nashej-gordosti-i-uverennosti-v-budushhem/> (дата обращения: 03.04.2021).

<sup>15</sup> Сейчас актуализировалась проблема всероссийской переписи, в связи с которой обсуждается вопрос о возможности записать не одну этническую принадлежность и дать ответ о двух родных языках.

благоприятные отношения (так их оценивали 74–77% населения). Вместе с тем башкиры обеспокоены вопросами сохранения родного языка и экологическими проблемами, которые приобретают социально-политическое звучание (достаточно вспомнить протесты, связанные с сохранением Куштау).

Проблемы экологии и природных ресурсов актуальны и для жителей Саха (Якутии). Требование участия в использовании природных ресурсов озвучивается экспертами здесь с 1990-х гг. Во время опросов 2020 г. 89% (92% саха и 86% русских) назвали «важным для республики участие якутян в использовании ресурсов на ее территории»<sup>16</sup>. В то же время языковые проблемы стоят в Якутии не столь остро, как в Татарстане и Башкортостане. На обязательном изучении языка саха всеми школьниками в 2020 г. настаивали 35%, почти половина саха высказались за добровольное изучение его в школе. Межэтнические отношения в регионе 75% оценивали как благоприятные. По заверениям главы республики А. Николаева, «Якутия всегда была и остается оплотом российской государственности на бескрайних просторах северо-восточной части страны»<sup>17</sup>. Тем не менее значимость этничности здесь высокая: 96% саха и 88% русских ощущают близость с людьми своей национальности, и ее актуализация выше, чем в случае с другими коллективными идентичностями (поколенческой, по вероисповеданию, локальной).

В российских национальных республиках разрабатываются стратегии развития народов, в связи с чем там идут дискуссии именно с этническим акцентом, которые показывают, что в новых социально-политических условиях, как и в 1990-е гг., национализмы в республиках различаются. В Татарстане акцент делается на этнокультурной устойчивости через маркеры языка и традиций. В Башкортостане озвучиваются те же идеи, однако понятие «башкир» в предложенной стратегии трактуется широко: «Если он (человек) не говорит на башкирском языке, но при этом чувствует себя частью этого великого народа, гордится своей принадлежностью, то он – башкир. Любой, кто живет в Башкортостане, дорожит республикой и трудится на ее благо – имеет право считать себя башкиром»<sup>18</sup>. По сути, в республике делается попытка включить в идеологию элементы гражданского национализма. Хотя не вся башкирская элита с этим согласна, инновация уже внесена, и она не случайна. Среди идеологов в России на протяжении нескольких лет обсуждается вопрос гражданского национализма как идеологии и практики государства и управления культурно сложными общностями («нациями наций») современности. И не один год на страницах журнала «Россия в глобальной политике» идет обсуждение легитимности государства в современном мире. В частности, высказывается идея, что для этого необходим основательный источник, «коренящийся в общем чувстве национальной принадлежности» [Ливен, 2020: 26]; «...государство делает легитимным и жизнеспособным прежде всего население, обладающее чувством национального самосознания, когда каждое поколение проходит через своего рода повседневный референдум на приверженность и сопричастность к этому государству как к своему Отечеству» [Тишков, 2021].

В основе национализма лежат представления о народе как согражданстве, и он направлен на консолидацию гражданской нации<sup>19</sup>. Реализуясь в экономике, политике, культуре, национализм обеспечивает солидарность народа, особенно в условиях внутренних напряжений или конфликтов, и мобилизацию на отстаивание интересов Отечества. Когда В.В. Путин называет себя националистом, он имеет в виду именно такой национализм.

<sup>16</sup> Результаты совместного исследования 2020 г. Центра стратегических исследований при главе Республики Саха (Якутия) и Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН.

<sup>17</sup> Выступление А. Николаева на Дне государственного флага в 2020 г.

<sup>18</sup> Выступление Р. Хабирова на V Всемирном курултае башкир 2019 г. См.: «Копировать опыт Татарстана – серьезный шаг назад»: Курултай башкир принял свою стратегию // БИЗНЕС онлайн. 2021. 28 февраля. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/498335> (дата обращения: 03.04.2021).

<sup>19</sup> Такой национализм тоже бывает разным и порой допускает дискриминацию меньшинств и экспансию [Ливен, 2015].

«Самый большой националист в России – это я, – заявил он на Валдайском форуме 2014 г. – Но самый большой, самый правильный национализм – это выстраивание действий и политики таким образом, чтобы это пошло на благо народу. А если под национализмом будет пониматься нетерпимость к другим людям, шовинизм, это будет разрушать нашу страну, которая изначально складывалась как многонациональное и многоконфессиональное государство»<sup>20</sup>. В 2018 г. он пояснял свою позицию: «...я хочу, чтобы Россия сохранилась, в том числе и в интересах русского народа. И в этом смысле я и сказал, что самым правильным, самым настоящим националистом и самым эффективным являюсь я. Но это не пещерный национализм, ...который ведет к развалу нашего государства. Вот в чем разница»<sup>21</sup>.

В стране в целом, в каждом субъекте федерации и в массовом сознании присутствуют элементы разных национализмов. Признавая это, легче находить понимание и выстраивать взаимоприемлемое общежитие людей с разной культурой и религией. Управление культурным многообразием как раз и направлено на то, чтобы, учитывая реальную этносоциальную и этнополитическую практику, соединить гражданскую солидарность всех россиян с прогрессивными элементами этнического самосознания и патриотизма.

**Некоторые выводы.** В сложных многосоставных обществах нельзя решать вопросы сохранения согласия без участия государства. Последнее выражается не только в функционировании специального учреждения, призванного регулировать межэтнические отношения (у нас это Федеральное агентство по делам национальностей), но и в создании социальных коалиций, обеспечивающих правовые нормы общежития, деятельность по хозяйственно-организационному жизнеобеспечению, поддержание системы социальных институтов, в том числе просвещения, безопасности, предотвращения насилия.

В современных обществах, декларирующих принципы демократии, важная роль отводится участию граждан в регулировании социальных и этнических противоречий. В России существует Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ, экспертные советы в Совете Федерации, Государственной думе, ФАДН и административных органах субъектов федерации. В стране насчитывается свыше девятисот федеральных, региональных и муниципальных национальных автономий, однако, как показывали опросы, знают о них не более 4–9% наших граждан, а принимают участие в их деятельности еще меньше. Очевидно, что гражданское участие в регулировании межэтнических противоречий, будь то потребности в образовании на языках народов, поддержание или элиминирование каких-то традиций (не соответствующих законам), конфликтные ситуации с мигрантами, недопущение дискриминации по этническому, религиозному принципам и т.д., должно быть более широким. Это могут быть общественные обсуждения готовящихся законодательных и правовых актов, волонтерские движения в поддержку общественного порядка в городе, муниципальном округе, дворах, участие общественных инициативных организаций в учебных заведениях с целью поддержания или элиминирования культурных различий в ходе совместных действий.

Чувство солидарности, сопричастности к судьбе Отечества, ответственности за настоящее и будущее того, что мы называем общероссийской идентичностью, гражданским самосознанием, – для многонациональной России это имеет принципиальное, решающее значение. Как специально отметил президент РФ на последнем заседании Совета по межнациональным отношениям, этническая идентичность может иметь не только конкурентную, но и позитивную, конструктивную направленность, и с такой идентичностью общероссийская гражданская идентичность вполне совместима<sup>22</sup>. При реализации современных государственных проектов учет опыта регулирования противоречий и конфликтов 1990-х гг. может стать полезным ориентиром, помогающим найти способы укрепления межнационального согласия и сбережения этнокультурного и религиозного разнообразия страны.

<sup>20</sup> Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 2014. 24 октябрь. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 03.04.2021).

<sup>21</sup> Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 2018. 18 октября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848> (дата обращения: 03.04.2021).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016.
- Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной; ред. и послесл. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991.
- Гостиева Л.К., Дзadzиев А.Б. Этнополитическая ситуация в Северной Осетии // Развивающийся электорат России. Т. 2. М.: Изд-во Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1995. С. 214–241.
- Дробижева Л.М. Говорит элита республик Российской Федерации: 110 интервью Л. Дробижевой с политиками, бизнесменами, учеными, деятелями культуры, религии, лидерами оппозиционных движений. М.: Изд-во Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1996.
- Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Мысль, 1996.
- Зенгхаас Д. К цивилизационной форме конфликта: конструктивный пацифизм как ведущее понятие в трансформации конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергховского центра. М.: Наука, 2007. С. 37–50.
- Исхаков Д. Модель Татарстана: «за» и «против» // Панорама-Форум. 1995. № 1. С. 46–58.
- Ливен А. Анатомия американского национализма / Пер. с англ. А. Мовчан. М.: Эксмо, 2015.
- Ливен А. Прогрессивный национализм: Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 5(105). С. 25–42.
- Паин Э.А. Этнополитический маятник: Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004.
- Тишков В.А. Нация, национализм и нациестроительство // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2(108). С. 42–62.
- Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.
- Тишков В.А. Россия – это нация наций (в связи с новой концепцией национальной политики) // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2008. № 78. С. 10–15.
- Хакимов Р.С. Смерки империи (К вопросу о нации и государстве). Казань: Татарское книжное издательство, 1993.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Пер. с англ. А.А. Васильев. СПб.: Алетейя, 1998.
- Breuilly J. Nationalism and the State. 2<sup>nd</sup> ed. Manchester: Manchester University Press, 1993.
- Gurr T.R. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington: U.S. Institute of Peace Press, 1993.
- Kedourie E. Nationalism in Asia and Africa. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971.
- Kohn H. The Idea of Nationalism. New York: Collier-Macmillan, 1967.
- Tilly Ch., Tilly L., Tilly R. The Rebellious Century 1830–1930. Cambridge: Harvard University Press, 1975.

Статья поступила: 13.04.21. Принята к публикации: 04.07.21.

<sup>22</sup> Заседание Совета по межнациональным отношениям // Президент России. 2021. 30 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65252> (дата обращения: 03.04.2021).

## 1990s' EXPERIENCE AND CULTURAL DIVERSITY MANAGEMENT

DROBIZHEVA L.M.

*Institute of Sociology FCTAS RAS, Russia**Leokadiya M. DROBIZHEVA, Dr. Sci. (His.), Chief Researcher, Head of the Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia.*

**Acknowledgements.** This article was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-011-00241.

**Abstract.** The article analyses the lessons that the state and society could learn from the institutional contradictions and violent conflicts that were overcome in Russia in the 1990s. Ethnic mobilization and ways of getting out of conflict situations are analysed. Based on specific materials, it is shown that the most important lesson was the ability to find compromise, dialogue ways to remove contradictions in the field of language, ecology, requests for participation in the use of local natural resources, increasing independence in the economy, and developing culture.

Most of the controversy was related to the institutional sphere, violation of the constitution and federal laws. The author shows that the regulation of such conflicts in multi-component federations is facilitated by the understanding that the ethnic nationalism of elites in the republics is different. On the example of the analysis of the discourse and legislative practice of Bashkortostan, North Ossetia–Alania, Tatarstan and Tuva, it is shown that divided sovereignty (not secession) was discussed in Tatarstan, but in it, as in Sakha and Bashkortostan, economic and cultural nationalism, defensive in North Ossetia–Alania, mainly cultural in Tuva. Accordingly, the agreements between the government of the Russian Federation and the government of the republics differed. Compromise solutions were temporary and as soon as a strong legitimate government was formed in the Centre, they ceased to operate, this is also one of the lessons of the 1990s.

Interethnic contradictions within the republics were also achieved by compromise solutions. However, the problem of ensuring equal opportunities in the labour and political spheres still remains.

The lesson in preventing the escalation of power conflicts was the recognition of the legitimate monopoly of power on the part of the state. The protection of society is based on the rule of law, but compliance with the law needs control from both the state and society.

The final part of the article is devoted to the regulation of interethnic relations in the second decade of the 2000s. The author supports the idea of calling this process the management of cultural diversity, since the term nation-building used earlier contains a double understanding of the nation, both ethnocultural and civil.

The cited research results in the country and the republics show that ethnic identity remains very stable. But nowhere does it appear as a confrontational all-Russian identity, but is combined with it among the majority of the population. It can be assumed that the idea of the people as co-citizenship, aimed at consolidating social, spatial and ethnocultural communities, realizing their interests in the economy, politics, culture, contributes to the provision of solidarity in the country.

**Keywords:** ethnic mobilization, institutional and violent conflicts, ethnic nationalism, cultural diversity management, civil nationalism.

## REFERENCES

- Abdulatipov R.G., Mihailov V.A. (2016) *Russia in the 21<sup>st</sup> Century: National Answer on the National Question*. Moscow: Mezhdunarodnyj izdatelskiy tsentr "Ethnosocium". (In Russ.)
- Breuilly J. (1993) *Nationalism and the State*. 2<sup>nd</sup> ed. Manchester: Manchester University Press.
- Drobizheva L.M. (1996) *The Elite of the Republics of the Russian Federation Says: L. Drobizheva's 110 Interviews with Politicians, Businessmen, Scientists, Cultural and Religious Figures, Leaders of the Opposition Movements*. Moscow: Publishing house of the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of RAS. (In Russ.)
- Drobizheva L.M., Aklaev A.R., Koroteeva V.V., Soldatova G.U. (1996) *Democratization and Images of Nationalism in the Russian Federation in the 90s*. Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Gellner E. (1991) *Nations and Nationalism*. Ed. by I.I. Krupnik. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Gostiyeva L.K., Dzadziev A.B. (1995) *Ethnopolitical Situation in North Ossetia*. In: *Developing Electorate of Russia*. Moscow: Publishing house of the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of RAS: 214–241. (In Russ.)
- Gurr T.R. (1993) *Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts*. Washington: U.S. Institute of Peace Press.

- Iskhakov D. (1996) *Model of Tatarstan: pro et contra*. Panorama-Forum. No. 1: 46–58. (In Russ.)
- Kedourie E. (1971) *Nationalism in Asia and Africa*. London: Weidenfeld and Nicolson.
- Khakimov R.S. (1993) *Twilight of the Empire (On the Nation and the State)*. Kazan: Tatar Book Publishing House. (In Russ.)
- Khobsbaum E. (1998) *Nations and Nationalism after 1780*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Kohn H. (1967) *The Idea of Nationalism*. New York: Collier-Macmillan.
- Lieven A. (2015) *Anatomy of American Nationalism*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Lieven A. (2020) Progressive Nationalism. *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in Global Affairs]. Vol. 18. No. 5(105): 25–42. (In Russ.)
- Pain E.A. (2004) *Ethnopolitical Pendulum: Dynamics and Mechanisms of Ethnopolitical Processes in post-Soviet Russia*. Moscow: Institut sotsiologii RAN. (In Russ.)
- Senghaas D. (2007) The Civilization of Conflict: Constructive Pacifism as a Guiding Notion for Conflict Transformation. In: Austin A., Fischer M., Ropers N. (eds) *Transforming Ethnopolitical Conflict: The Berghof Handbook*. Moscow: Nauka: 35–50. (In Russ.)
- Tilly Ch., Tilly L., Tilly R. (1975) *The Rebellious Century 1830–1930*. Cambridge, Harvard University Press.
- Tishkov V.A. (1997) *Essays on the Theory and Politics of Ethnicity in Russia*. Moscow: Russkiy Mir. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2021) Nation, Nationalism and Nation-building. *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in Global Affairs]. Vol. 19. No. 2(108): 42–62. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2008) Russia is a Nation of Nations (In Connection with the New Concept of National Policy). *Byulleten seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [Bulletin of Ethnological Monitoring and Conflict Early Preventing Network]. No. 78: 10–15. (In Russ.)

Received: 13.04.21. Accepted: 04.07.21.